

В комнате они возились довольно долго, прежде чем выбраться на завтрак. Настроение было отличным, и всё вокруг казалось прекрасным. У Лу Цяо разыгрался аппетит, и он наложил себе в тарелку немало еды. Когда он проходил мимо прилавка с десертами, его рука нечаянно задела кого-то.

— Прошу прощ... — начал он.

Чжэн Итун подняла взгляд и лишь слегка кивнула ему. Эта её высокомерная манера, продиктованная осознанием собственного статуса, могла бы смутить кого-то менее уверенного в себе. Но кто такой Лу Цяо? Это человек, который идет по двум дорогам сразу, и обе они ему подвластны!

Комплекс неполноценности? Не, не слышали!

Лу Цяо вальяжно прихватил с витрины пару пирожных и с гордо поднятой головой вернулся к столику. Мо Ханьчжоу видел эту сцену, и в его глазах заплясали смешинки.

— С самого утра налегаешь на сладкое?

— Если не постараться съесть его с утра, то за весь день порция пирожных станет меньше.

Звучало донельзя убедительно.

Лу Цяо с удовольствием принялся за десерт, но тут Чжэн Итун, прихватив тарелку, уселась неподалеку. Неизвестно, что именно задело его, но Лу Цяо отложил вилку, повернулся к Мо Ханьчжоу и сделал такую физиономию, будто в его молочный чай добавили десятикратную порцию сахара:

— Мистер, открой рот.

Мо Ханьчжоу дернул уголком губ и с невозмутимым видом послушно открыл рот. Но на этом всё не закончилось.

— А Цяо тоже хочет. А-а-а! — он широко раскрыл рот.

Мо Ханьчжоу, не зная, смеяться или плакать, отложил приборы и, смирившись со своей участью, взял тарелку с вилок.

— А-а-а!

Лу Цяо вцепился зубами в вилку. Покончив с пирожным, он указал на яйцо в тарелке:

— Теперь это.

Мо Ханьчжоу мысленно вздохнул, терпеливо очистил яйцо от скорлупы, а затем принялся лично кормить своего капризного господина. Теперь-то он понял: когда небожители сражаются, страдают лишь мелкие духи. Бедняга, он даже нормального завтрака лишился.

Хотя в зале было полно парочек, такими нежностями обменивались только они двое. И надо же было им сесть так близко к Чжэн Итун — все эти звуки и сцены долетали до неё, заставляя женщину хмуриться. Если бы она разбиралась в интернет-мемах, то её состояние можно было бы описать одной картинкой: метро, старик, смотрит в телефон.

Этот завтрак прошел в атмосфере интриг, как на придворном пиру. Закончив с едой, Мо Ханьчжоу отложил нож и вилку:

— А Цяо, принеси мне чашечку кофе, хорошо?

Лу Цяо многозначительно зыркнул на него и поднялся. Как только он ушел, Мо Ханьчжоу на своем кресле-коляске подъехал к столику Чжэн Итун. Она, казалось, ждала его появления и невозмутимо произнесла:

— Не боишься, что твоя милая женушка приревнует?

Мо Ханьчжоу пропустил мимо ушей словосочетание милая женушка:

— Почему ты так к нему настроена?

— У меня нет к нему претензий...

— У тебя к нему масса претензий. Неужели даже этого не можешь признать?

Чжэн Итун на мгновение замолчала, а затем прямо ответила:

— Да, у меня есть к нему претензии. Я просто не ожидала, что такой человек, как ты, возьмет в жены подобного типа. Кроме смазливового личика, что в нем есть? Живет, как повилика, присосавшись к другим. Я не питаю симпатии к таким людям, независимо от их пола.

— Мне не нужно чужое одобрение, чтобы знать, какая жена мне подходит. К тому же А Цяо совсем не такой, как ты говоришь. Уверен, больше половины присутствующих здесь счастливиц уступают ему в стойкости и терпении. Он просто предпочитает встречать жизнь с оптимизмом.

Чжэн Итун нахмурилась:

— У тебя что, розовые очки? Я в упор не вижу у него этих достоинств.

Она знала лишь то, что он порхает повсюду, словно светская бабочка, стремясь всем понравиться. Мо Ханьчжоу улыбнулся и покачал головой:

— Ты его не знаешь.

Дарить радость не так просто, как кажется. Человек может притворяться какое-то время, но долго это скрывать невозможно. Лу Цяо же постоянно, словно солнце, освещает всё вокруг своим чистым, лишенным теней светом. Одно лишь это тепло стоит дороже, чем весь мир.

Мо Ханьчжоу не хотел углубляться в дискуссию:

— Как бы то ни было, выбор супруги — моё личное дело. Я надеюсь, что ты будешь проявлять уважение к моей жене. Ради нашего будущего сотрудничества.

Прямота его слов не смутила Чжэн Итун. Она спокойно кивнула:

— Хорошо, я поняла.

Мо Ханьчжоу вернулся на свое место. Вскоре Чжэн Итун закончила завтрак и ушла. Вернулся и Лу Цяо, он недовольно бурчал, ставя кофе на стол.

Мо Ханьчжоу щелкнул его по носу:

— Чего ты ворчишь?

Лу Цяо фыркнул:

— Я видел! Ты только что разговаривал с Чжэн Итун!

— Верно. Я сказал ей, чтобы она не тратила силы зря. Мое сердце принадлежит А Цяо, я всем сердцем люблю свою жену и никогда не предаю его!

Лу Цяо тут же прослезился и, подняв голову, посмотрел на Мо Ханьчжоу влажными глазами:

— Правда?

Мо Ханьчжоу ответил:

— Конечно, правда!

— Ох, мистер, я так тебя люблю!

Лу Цяо бросился в объятия Мо Ханьчжоу, и они снова принялись возиться. Сопровождающий их медик невольно вытер пот со лба: ну, в принципе, можно сказать и так.

После завтрака они перешли к развлечениям. Сначала отправились на автодром — там были как настоящие гоночные трассы, так и простые аттракционы вроде классических машинок. Лу Цяо активно махал Мо Ханьчжоу:

— Мистер, поверь мне, поверь! Моё мастерство вождения тебя не разочарует, я подарю тебе ощущение полета!

Мо Ханьчжоу подумал: после таких слов мне стало только страшнее.

Не в силах отказать, Мо Ханьчжоу кое-как устроился на пассажирском сиденье. Он наставительно произнес:

— А Цяо, моя жизнь теперь в твоих руках.

Лу Цяо сиял от восторга:

— Мистер, я заставлю тебя летать!

Мо Ханьчжоу: ...Зря я всё-таки сел в эту машину.

Дальнейшее можно было описать четырьмя словами: как и ожидалось. Лу Цяо действительно потерял контроль над эмоциями и начал гоняться за всеми подряд, врезаясь в чужие машинки. Но надо отдать ему должное — техника вождения у него была на высоте. Каждый раз, когда Мо Ханьчжоу казалось, что столкновение неизбежно, Лу Цяо делал резкий поворот, уходя от удара, а затем таранил соперников сбоку или в лоб.

За полчаса Мо Ханьчжоу сполна ощутил, что такое смертельная скорость. Оказывается, в фильмах не всё выдумка!

— А Цяо, — вкрадчиво и с мольбой в голосе начал Мо Ханьчжоу, — мне кажется, моё присутствие мешает тебе раскрыть свой потенциал. Дай мне выйти!

Лу Цяо с невинным видом ответил:

— Ну что ты, мистер! Я так стараюсь именно потому, что ты рядом — хочу, чтобы ты насладился вкусом победы!

Мо Ханьчжоу: Прощайте!

После автодрома они отправились на ипподром. В этом развлечении Мо Ханьчжоу участвовать уже не мог. Лу Цяо переоделся и вывел темно-рыжего коня. Животное выглядело мощным, с крепкими мышцами и дерзким взглядом, словно сам царь всех лошадей.

Мо Ханьчжоу заволновался:

— А Цяо, ты уверен, что всё будет в порядке?

Лу Цяо погладил коня по шее, тот громко фыркнул, выглядя еще внушительнее.

— Не волнуйся, мистер, у меня богатый опыт верховой езды.

До того как Лу Цяо сел в седло, Мо Ханьчжоу беспокоился, но стоило ему оказаться верхом, как тревога исчезла. Лу Цяо держался в седле величественно и уверенно, а огромный конь под ним превратился в послушного скакуна. Животные лучше людей чувствуют намерения хозяина, и вскоре всадник и конь стали самым красивым зрелищем на ипподроме.

Даже медик не удержался от комментария:

— Госпожа так эффектно смотрится верхом!

Мо Ханьчжоу следил взглядом за фигурой, которая на солнце казалась вспышкой пламени, и его глаза светились мягкой улыбкой.

— И правда.

Грациозная посадка Лу Цяо вызвала восторженные крики зрителей, и несколько человек, катавшихся на поле, подъехали поближе, чтобы познакомиться:

— У тебя отличное мастерство.

— О, спасибо, я много практикуюсь.

Поначалу они опасались языкового барьера, увидев, что он восточного происхождения, но, услышав ответ, успокоились.

— Ты прав, езда верхом требует времени, чтобы найти общий язык с лошадью. Твой конь выглядит очень круто.

Лу Цяо погладил коня по спине и с улыбкой сказал:

— Он тебя хвалит.

Конь снова фыркнул, изображая гордость.

Гостям очень понравились Лу Цяо и его скакун, и один из них спросил:

— Ты умеешь стрелять из лука? В два часа дня здесь будут соревнования: участники должны стрелять по мишеням прямо на скаку. Победителя ждет приз.

Глаза Лу Цяо загорелись:

— Правда?!

— Да, я так понимаю, ты хочешь участвовать? С нетерпением жду твоего выступления!

Лу Цяо помахал рукой в знак благодарности и быстро поскакал по полю.

— Мы еще встретимся на соревнованиях. Давай, покажи, на что ты способен.

Чтобы тренировать взаимопонимание, на поле расставили препятствия. Лу Цяо направил коня к ним. Темно-рыжий скакун, чувствуя волю хозяина, грациозно перемахнул через препятствие, демонстрируя всю свою мощь и благородство.

— Красавчик! — Лу Цяо потрепал его по голове, сделал еще пару кругов, передал лошадь сотрудникам и направился к выходу.

Мо Ханьчжоу протянул ему полотенце и бутылку воды. Лу Цяо жадно отпил несколько глотков, не скрывая возбуждения:

— Мистер, сегодня днем здесь будут соревнования по стрельбе из лука, я хочу участвовать.

— Хорошо, я буду ждать твоего выступления.

К полудню они пообедали и вернулись в виллу отдохнуть. Около часа дня они снова были на ипподроме. Для безопасности участники надели защитное снаряжение, а шлемы придавали им особую бравость. Лу Цяо в ярко-красном костюме наездника выглядел невероятно статно и эффектно. Он помахал трибунам, Мо Ханьчжоу ответил тем же, подняв фотоаппарат.

Соревнования начались. Сначала участники должны были просто попасть в мишень на скаку, что отсеяло пару человек. Следующий этап был интереснее: подвижные мишени, которые хаотично перемещались по полю. За попадание начислялись баллы, и побеждал тот, у кого их оказывалось больше.

Стрелять с лошади, когда нужно контролировать и животное, и собственное тело, — задача не из легких. Многие участники пасовали. Атмосфера на поле стала напряженной.

И тут огненно-красная стрела пронзила воздух и вонзилась точно в центр мишени.

Десять очков!

Трибуны взорвались шумом. Блондин-иностранец возбужденно схватил Чжэн Итун за руку:

— Это тот самый китаец, о котором я говорил! Он ведь китаец, правда? Потрясающе, да?

Чжэн Итун: ...

Она молча высвободила руку. Больно.

Лу Цяо вошел в раж. Давно забытый азарт пробудил в нем старую страсть. Он управлял конем, словно собственным телом, крепко сжимая бока лошади ногами. Его взгляд был прикован к мишени, лук стал продолжением его рук, и стрела за стрелой летела точно в цель.

Десять, десять, десять.

— Вау, это просто невероятно!

Казалось, исход соревнований был предreshен с самого начала. Даже хозяин ипподрома достал бинокль, перешептываясь с сотрудниками. Когда Лу Цяо выпустил все десять стрел, он подъехал к краю поля, и хозяин ипподрома подошел к нему:

— Эй, хочешь попробовать дистанцию в десять метров?

— Конечно. О, кстати, можешь кое-что подготовить для меня?

Через некоторое время, когда мишени переставили дальше, Лу Цяо снова выехал на поле. Трибуны взорвались овациями. Дистанция была больше, мишени — меньше, а лук — тяжелее. Лу Цяо погладил коня:

— Давай покажем им, на что мы способны.

Конь фыркнул и сорвался с места. Ветер разведал темные волосы, выбивавшиеся из-под шлема, Лу Цяо натянул тетиву —

— Десять очков!

Электронное табло высветило огромную десятку.

Десять, десять, девять, десять... Рекорды обновлялись один за другим! Остальные участники аплодировали ему с искренним восхищением.

Закончив стрельбу, Лу Цяо не ушел сразу, а медленно подъехал к хозяину ипподрома, взял что-то и помчался к трибунам. Когда люди увидели, что у него в руках, раздался восторженный гул. Это был букет ярко-красных роз.

Лу Цяо подъехал к ложе, где сидел Мо Ханьчжоу. Не слезая с лошади, он совершил изысканный поклон, приложив правую ладонь к груди, и протянул левой рукой розы.

— Моему самому любимому человеку.

Молодой медик, едва сдерживая восторг, принял цветы и передал их Мо Ханьчжоу. Трибуны ликовали, кто-то кричал: Выходи за него!

Мо Ханьчжоу вдохнул аромат роз и улыбнулся:

— Благодарю, мой принц.

Телохранитель, которому поручили фотосъемку, превратился в живой пулемет, щелкая затвором.

Вечер обещал быть не менее интересным — в усадьбе намечался костер.

Когда солнце начало садиться, окрашивая небо в невероятные цвета, на лугу зажгли огонь. Вечер был прохладным, самый подходящий момент для легких курток. Кто-то играл на гитаре,

и мелодичные звуки создавали уютную атмосферу.

Лу Цяо, положив голову на колени Мо Ханьчжоу, жарил кальмаров.

— Мистер, почему на Северном полюсе есть полярное сияние?

— Потому что оно есть на Южном, и Северный не может отставать.

— А медведи на Южном есть?

— Северный полюс не хочет ими делиться.

— Ха, какой Северный полюс жадина...

Люди, впечатленные мастерством Лу Цяо, подходили поболтать.

— Как давно вы занимаетесь верховой ездой?

— Много лет.

— Видно сразу. Будете в Париже, заходите ко мне, у меня там своя конюшня...

...

— Как долго вы вместе?

— Поженились в октябре прошлого года.

— О, это прекрасно, счастья вам.

...

Среди гостей были и финансовые воротилы, Мо Ханьчжоу легко вливался в беседы, обмениваясь новостями. А когда он обернулся, то увидел, что Лу Цяо танцует. Его кто-то увлек в круг, лицо Лу Цяо покраснелось от огня и легкого хмеля.

Мо Ханьчжоу взял гитару и начал подыгрывать. Вернувшись, Лу Цяо лениво привалился к нему и поцеловал — как и все влюбленные.

Вечеринка закончилась после десяти. Возвращаясь, Лу Цяо едва держался на ногах.

— Мо Ханьчжоу~~

— Я здесь, я рядом.

Перешел на имена — значит, точно в стельку. Лу Цяо, потираясь щекой о его лицо, как ласковый кот, вызывал у Мо Ханьчжоу странное волнение.

— Мо Ханьчжоу такой красивый, поцелуй меня.

Он, как маленький хулиган, потянулся к его губам. Мо Ханьчжоу пытался увернуться, но Лу Цяо ловко поймал его лицо ладонями.

— Чмок! Муж такой сладкий!

Маленький пьяница... Мо Ханьчжоу, не зная, плакать или смеяться, вздохнул:

— Признайся, ты просто охотишься за моим телом.

Лу Цяо широко открыл глаза:

— И за деньгами мужа тоже.

Ого, значит, всё-таки сказал правду! Будучи богачом, Мо Ханьчжоу прекрасно знал: в этом мире нет людей, которые не хотели бы его денег. Если мерить дружбу этим критерием, он бы никогда ни с кем не сошелся.

Мо Ханьчжоу погладил покрасневшие щеки Лу Цяо, заставляя его мурлыкать от удовольствия.

— А Цяо, а не убьешь ли ты мужа ради страховки?

Лу Цяо внезапно распахнул глаза:

— Мистер, о чем ты думаешь? Страховка и рядом не стояла с тем, сколько денег у мистера! К тому же, если не станет мистера, кто будет кормить А Цяо? Ты что, не понимаешь, что такое устойчивое развитие?

Мо Ханьчжоу рассмеялся:

— Какой же ты умный. Значит, ты считаешь мистера инструментом для зарабатывания денег.

— Инструменты не умеют то, что умеет мистер: и деньги зарабатывать, и удовлетворять А Цяо...

На лице Лу Цяо появилась загадочная улыбка, в глазах блеснул лукавый огонек, и он прошептал, придвинувшись ближе:

— Мистер, скорее удовлетвори А Цяо, внутри так влажно и жарко...

Мо Ханьчжоу: Черт!

Возможно, впервые в жизни Мо Ханьчжоу был так обескуражен настойчивостью своей жены. Он даже заранее осознал, что значит быть мужчиной средних лет... Лишь удовлетворив свою ненасытную жену, Мо Ханьчжоу наконец выдохнул.

В мягком лунном свете лицо спящего юноши с довольной улыбкой казалось ангельским. Мо Ханьчжоу кончиками пальцев убрал прядь волос с его щеки, и в его взгляде впервые промелькнула такая нежность.

— А Цяо...

Надеюсь, всё, что ты сказал, — правда.

<http://bllate.org/book/19167/1882014>